

Раздел 1

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Румянцева М.Ф.
К ВОПРОСУ О ДИСЦИПЛИНАРНОМ СТАТУСЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

В условиях нарастания междисциплинарности / полидисциплинарности исторического знания становится актуальным определение (переопределение) статуса дисциплин, вступающих в междисциплинарные взаимодействия. Дисциплиной (субдисциплиной) исторической науки, наиболее активно задействующей междисциплинарные контакты, несомненно, является источниковедение, хотя бы в силу того, что *объект* и *предмет* источниковедения – исторический источник, понимаемый как объективированный результат творческой деятельности человека и вместе с тем как продукт культуры [9, с. 199–200], выступает одновременно как объект других гуманитарных наук.

Настоящий доклад развивает и уточняет один из аспектов проблемы конституализации источниковедения как научной дисциплины, заявленной на Витебской конференции 2013 г. [1, с. 16–20]. Базовый тезис доклада восходит к идее Т. Куна, развитой в знаковой работе «Структура научных революций» (1962) [6, с. 23–34]. Для краткости сформулируем его так: дисциплина конституируется через конструирование ее истории путем отбора фактов, работающих на объяснение актуального состояния и научного статуса дисциплины.

Историографическими источниками, релевантными данной проблеме, на мой взгляд, являются, по преимуществу, учебные пособия университетского уровня, поскольку, имея целеполагание целостно представить научную дисциплину, как я уже отмечала, они представляют собой (или должны представлять) высшую форму концептуализации знания.

Воспользовавшись идеей Куна в качестве рабочей гипотезы, попытаемся нащупать момент утверждения источниковедения в качестве исторической дисциплины (субдисциплины).

Если не принимать во внимание изыскания Лоренцо Валла (1407–1457), которые чаще относятся к области палеографии и дипломатики, и проигнорировать размышления лорда Болингброка (1678–1751) о необходимости критического отношения к информации исторического источника, то «основоположником» источниковедения чаще всего оказывается И.Г. Дройзен (1808–1884) – автор знаменитой «Историки», затем дисциплинарная линия продолжается через Э. Фримана (1823–1892) – Э. Бернгейма (1850–1942) – Ш.-В. Ланглуа (1863–1929) и Ш. Сеньобоса (1854–1942) к авторам пропедевтических работ по теории исторического познания конца XX в. [см. напр.: 8].

В докладе 2013 г. я отмечала, что источниковедение как область знания оформляется в Германии в 1830–1840-е гг. (нем. *Quellenkunde*), а в России этот термин впервые употребил А.А. Куник в 1841 г., заимствовав его из немецкой историографии. Уточним, что здесь речь идет все-таки не о дисциплине в строгом науковедческом понимании, поскольку под источниковедением понимается обзор исторических источников без специальной рефлексии их природы, в этом качестве источниковедение сохраняется и по сию пору в немецкой и англоязычной историографии (англ. *source study*). Мы же попытаемся прояснить, с какого момента, источниковедение становится научной дисциплиной в строгом смысле слова, взяв в качестве критерия вычленение специального объекта исследования, который в рамках данной дисциплины изучается как самостоятельный исторический феномен, а не исключительно в качестве источника исторических данных, используемых для конструирования исторического факта.

Если мы присмотримся к вышеупомянутым классическим работам, то заметим, что их авторы вообще не пользуются понятием *источниковедение*, а часто даже не задействуют понятие исторический источник, используя более широкое – *исторические материалы*. В частности, И.-Г. Дройзен в курсе *историки* (теории исторического знания), который он читал с 1857 г. («Энциклопедия и методология истории» на его основе была опубликована только в 1936 г., но конспект курса был напечатан на правах рукописи в 1858 и 1862 гг., а затем издан в 1867, 1875, 1881), приводит для определения эмпирической базы исторической науки именно понятие *исторические материалы*, используя понятие *источник* для обозначения только одной их группы [4, с. 84–145, 467–470]. В 1889 г. Э. Бернгейм публикует «Учебник исторического ме-

тогда и философии истории», ставший классическим и неоднократно издававшийся, в том числе и в переводе на многие языки, а в 1907 г. – «Введение в историческую науку», являющееся сокращенным вариантом «Учебника...». Представления Бернгейма об исторических источниках лежат в русле концепции И.Г. Дройзена. Бернгейм так же, как и Дройзен, не дает дефиниции понятия «исторический источник», а определяет источники описательно, оперируя понятием *материал*: «Материал, из которого почерпаются сведения нашей науки, называется “источниками”. Материал этот в огромном большинстве случаев *не является, как в других науках, в то же время и непосредственным предметом познания* [выделено мной – М.Р.], так как предмет истории являются ведь человеческие деяния...» [2, с. 34].

Эдвард Фриман обобщает свой богатый исследовательский опыт в лекционном курсе «Методы изучения истории» (1886). Английский историк избегает строгих формулировок, он словно приглашает слушателей к совместным размышлениям. Несмотря на то, что Фриман анализирует специфику исторических свидетельств, обращая внимание на их субъективный характер, обусловленный «человеческим», а не «природным» происхождением, его отношение к источнику сохраняет прикладной характер: автор акцентирует внимание на отличии «оригинальных источников» от произведений историков и нацеливает исследователей на работу именно с первыми [11, с. 75–118].

Так называемая позитивистская парадигма в источниковедении наиболее последовательно разработана в труде Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса «Введение в изучение истории» (1898), в основу которого положен также курс лекций, прочитанный ими в Сорбонне в 1896/97 учебном году. Труд Ланглуа и Сеньобоса начинается формулой, с течением времени ставшей афоризмом: «История пишется по документам. Документы — это следы, оставленные мыслями и действиями некогда живших людей <...>. Всякая же мысль и всякий поступок, не оставивший прямого или косвенного следа, или видимый след которого исчез, навсегда потерян для истории, как если бы он никогда и не существовал <...>. Ничто не может заменить документов: нет их, нет и истории» [7, с. 49]. И далее, размышляя о специфике исторического познания, Ланглуа и Сеньобос пишут: «Факты прошлого известны нам только по сохранившимся от них следам <...> эти следы, называемые историческими документами, историк наблюдает непосредственно <...>. Документ служит ему точкою отправления, а факты прошлого — конечною целью исследования» [7, с. 83].

В конце XX в. французский историк Антуан Про, постоянно апеллируя в своем пропедевтическом курсе (1996) к «Введению в изучение истории» Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, фактически признает, что во французской историографической традиции проблема исторического источника на протяжении всего XX столетия не разрабатывалась [8, с. 57 и др.]. С некоторой осторожностью, но все же можно утверждать, что аналогичным образом дело обстояло и в других западных историографиях. И хотя Ан. Про утверждает, что «до самого конца 1980-х годов методологическое осмысление истории считалось во Франции бесполезным» [с. 6], совершенно невозможно предположить, что методология истории была заморожена на целое столетие. Но нельзя и не признать, что произошел разрыв между эпистемологией (в структуре философии) гуманитарного знания и практиками исторических исследований. Эпистемология развивалась на философской основе неопозитивизма и аналитической философии (наиболее фундаментальное исследование в этой области – книга Артура Данто «Аналитическая философия истории» (1965)); во второй половине XX в., – после лингвистического поворота, – в европейской исторической науке акцент был сделан на теории исторического нарратива, теории дискурса и проблеме деконструкции текста. Практики исторических исследований, по-видимому, сохраняли, по преимуществу, неокантианскую (в баденской версии) методологическую основу, обогащенную идеями исторического синтеза, развиваемыми *новой исторической наукой*. Один из ее основоположников Л. Февр выступил с критикой классической формулы Ланглуа и Сеньобоса, охарактеризовав ее как «опасную» – именно с точки зрения исторического синтеза, поскольку «...она как бы противостояла общему направлению различных, но действующих заодно гуманитарных дисциплин» (1933) [10, с. 11]. Но дальше критики дело не пошло. Мы видим, что критика сложившихся в историческом познании XIX в. подходов ограничивалась преимущественно сферой обращения с историческими фактами, «добытыми» из исторических источников путем их так называемой критики, но почти не затрагивала методы изучения самих исторических источников, не влекла за собой рефлексии по поводу их природы. И только на рубеже

1980–1990-х годов Жорж Дюби (1919–1996), обозревая развитие исторической науки во Франции во второй половине XX в., отметил в качестве новой тенденции нарастание интереса историков к «материалу» истории: «Вопреки установившемуся представлению у меня сложилось впечатление, что в современной французской историографии наиболее плодотворное и новаторское начало состоит не в обновлении проблематики, не в борьбе идей по вопросу о смысле истории и не в состязании различных исторических школ (как это было 30 лет назад). Новаторские тенденции связаны с самой скрытой частью нашей исследовательской работы, с нашей лабораторией, с методами обработки используемых материалов» [5, с. 58]. Примечательно, что и Ж. Дюби оперирует понятием *материал*, не придавая ему строгого терминологического значения. Аналогичным образом поступает польский историк-методолог Ежи Топольский (1928–1998), вводя вместо понятия «исторический источник» понятие «базовая информация», которая обеспечивает контакт историка с прошлой реальностью [подробнее см.: 3, с. 230–234].

В советской исторической науке разрыв методологии истории и историографических практик также наблюдался, но имел иную природу. Этот разрыв был обусловлен как социокультурными / социополитическими, так и теоретико-познавательными факторами. Как я уже отмечала в докладе 2013 г., в условиях идеологического господства т.н. марксистско-ленинской методологии конституализацию источниковедения как научной дисциплины с теоретико-познавательной точки зрения обеспечила русская версия неокантианства с ее специальным вниманием к объекту исторического познания – историческому источнику и дальнейшее развитие теории объекта: от исторического источника – к системе видов исторических источников как проекции культуры – и далее к понятию *эмпирической реальности исторического мира*. Таким образом, специальное внимание к объекту исторического познания, превращение его в предмет самостоятельного научного интереса и позволяют говорить об оформлении источниковедения как научной дисциплины.

1. Актуальные проблемы источниковедения : материалы международной научно-практической конференции к 135-летию со дня рождения В.И. Пичеты. Минск–Витебск, 9–11 октября 2013 г. / редкол. А. Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. – 322 с.

2. Бернгейм, Э. Введение в историческую науку / Э. Бернгейм ; пер. с нем. В. А. Вайнштока ; под ред. В. В. Битнера. – Изд. 2-е. – М. : URSS, 2011. – 71 с.

3. Вжосек, В. Культура и историческая истина / Войцех Вжосек. – М. : Круг, 2012. – 336 с.

4. Дройзен, И. Г. Историка: лекции об энциклопедии и методологии истории / Иоганн Густав Дройзен. – СПб. : «Владимир Даль», 2004. – 583 с.

5. Дюби, Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года / Жорж Дюби // Одиссей. Человек в истории: культурно-антропологическая история сегодня. 1991. – М., 1991. С. 48–59.

6. Кун, Т. Структура научных революций : пер. с англ. / Томас Кун ; сост. В. Ю. Кузнецов. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 605 [3] с. – (Philosophy).

7. Ланглуа, Ш.-В. Введение в изучение истории / Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос ; пер. с фр. А. Серебряковой. – Изд. 2-е. – М. : Гос. публ. Историческая библиотека России, 2004. – 305 с.

8. Про, Ан. Двенадцать уроков по истории / Антуан Про ; пер. с фр. Ю.В. Ткаченко. – М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. – 334 с. – (История и память).

9. Теория и методология исторической науки : терминолог. слов. / отв. ред. А.О. Чубарьян ; РАН. Ин-т всеобщей ист. – М. : Аквилон, 2014. – 575 с.

10. Февр, Л. Бои за историю / Люсьен Февр. – М. : Наука, 1991. – 629 с.

11. Фриман, Э. Методы изучения истории / Э. Фриман ; пер. с англ. П. Николаева. – Изд. 2-е. – М. : URSS, 2010. – 197 с.

Лукьянов Д.В.

«КОГНИТИВНОЕ» ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ

На фоне отсутствия в профессиональной историографии единства представлений о критериях выявления новых эпистемологических направлений в исторической науке [1] и при «произвольном установлении режима определения новизны» [6, с. 243] в современных исторических исследованиях когнитивная парадигма истории заслуживает особого анализа, поскольку со всей очевидностью претендует на статус если не новой онтологии истории, то принципиально новой концептуальной стратегией генерализации истории как науки. В этом смысле наряду с тем, что В.В. Согрин обозначил как «современная историографическая революция» [7], рецензируя книгу лекций по историографии Б.Г. Могильницкого, нам хотелось бы остановиться на историографическом анализе книги О.М. Медушевской, которая по странному совпадению в один и тот же год с томским историком совершила еще одну «революцию» в российской исторической науке – когнитивную.